

Л. Т. Сенчина (Донецк)

УДК 82.1

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

Реферат. Статья рассматривает вопросы, связанные с новым взглядом на теорию классицизма и литературно-художественную практику XVIII века. В этой связи рассматриваются произведения Ф. Прокоповича, В. Тредиаковского, М. Ломоносова. Определяется сущность и природа жанровых заимствований, их роль в формировании и становлении русской литературы XVIII столетия. Утверждается идея о том, что между теоретическими правилами и реальной поэтической практикой существовало явное противоречие.

Ключевые слова: жанр, жанровые заимствования, идиллия, классицизм, ода, элегия.

Наши представления об эпохе классицизма в определенной степени связаны с идеей нормативности и упорядоченности поэтического творчества. Теория “трех штилей”, “чистота” жанра, связь определённого типа произведений с четко обозначенным стилем и т. п., бесспорно, создают иллюзию, что без системы правил, без “риторического кода” тема-жанр-стиль поэтическое творчество не могло осуществиться. Это так, и одновременно это утверждение не может объяснить наличие процессов, происходящих в реальной практике поэтов-классицистов, нарушающих устоявшиеся нормы.

Многочисленные теоретические трактаты («Поэтика», «Риторика» Ф. Прокоповича, «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Тредиаковского, «Риторика»

Ломоносова, «Эпистола I», «Эпистола II» Сумарокова и др.) способствовали формированию сугубо риторических представлений о природе поэтического творчества. И в этой связи реальная практика поэтов эпохи классицизма свидетельствует о поисках путей вступающих в явное противоречие с теоретическими догмами. Достаточно вспомнить первую элегию на русском языке «Плачет пастушок в долгом ненастии» Ф. Прокоповича, чтобы убедиться в неоднозначности процессов, происходящих в литературной практике XVIII века.

Известно, что в «Поэтике» Ф. Прокопович делает попытку определить жанровую сущность основных видов поэзии: эпической, буколической, эпиграмматической, элегической, сатирической, лирической и драматической. Для каждого вида автор трактата довольно чётко определяет круг возможных тем и соответствующих этим темам набора языковых средств и приемов.

Естественно, Ф. Прокопович отстаивает “чистоту” жанра. Однако в своей первой элегии, сохраняя отдельные типологические признаки этого произведения, автор нарушает утверждаемые им “правила и наставления”. Наряду с элегическими мотивами в произведении «Плачет пастушок в долгом ненастии» можно отметить и влияние другого жанра – жанра буколики. Здесь и традиционный герой идиллических произведений – пастух, и описание природы с характерным упоминанием “дуба”, и воспоминание о “днях красных” и т. п. Отказывается Ф. Прокопович и от традиционного использования в жанре элегии дистиха, что является одним из важных требований теории классицизма.

Первый опыт Ф. Прокоповича в плане создания элегического жанра остался незамеченным, но его стремление расширить границы этого типа произведения и нарушить утвержденные “правила и наставления” свидетельствуют о явных поисках путей “самовыражения”, субъективного освоения имеющегося поэтического опыта.

Примеров соединения разных жанров в границах одного произведения в русской литературе XVIII в. немало. Вспомним в этой связи теоретические и поэтические опыты В. Тредиаковского.

Заслуги В. Тредиаковского в области теории литературы не вызывают сомнений. Безусловно, он заложил основы теоретического осмысления нарождающейся жанровой системы в русской литературе XVIII столетия, обосновал специфику функционирования практически каждого известного в то время жанра («Рассуждение об оде вообще», «Рассуждение о комедии вообще» и другие), обосновал и разработал систему стихосложения, первый начал развивать теорию “авторова стиля” («Предуведомление от трудившегося в переводе ...»), многое интуитивно точно угадал в плане будущего развития поэтической речи.

Перечисление заслуг В. Тредиаковского даёт нам основание утверждать, что автор многочисленных трактатов был знатоком античной и европейской теории. Однако в реальной поэтической практике В. Тредиаковский явно стремился преодолеть и переосмыслить существующие каноны.

В качестве примера, иллюстрирующего нашу мысль, проанализируем произведение В. Тредиаковского «Элегия о смерти Петра Великого». Эта элегия относится к такой жанровой разновидности, как треническая, где описывается печаль, несчастье, смерть (“... стих плачевный и печальный ...”) [2, с. 395].

Оплакивая смерть Петра I, В. Тредиаковский, закономерно, должен перечислить заслуги умершего:

Что всю тебя Вселенну весьма удивила.

Кто когда во искусстве? Кто лучше в науке?

Любовь ко отечеству дала ль место сукке?..

О премудрый Петре!...

... плачь. философия,...

механика, вся математика ...

Петр, мудрый хранитель,

Своего государства новый сотворитель.

(В. Тредиаковский «Элегия о смерти Петра Великого»)

Элегическая печаль здесь явно «переплетается» с одическим прославлением.

В исследовательской литературе отмечалась близость «Элегии ...» Тредиаковского со «Словами ...» о смерти Петра I Ф. Прокоповича. [1, с. 207]. Эта близость ощущается и в общности трактовки деятельности Петра I, и в использовании

общих риторических приёмов, которые, прежде всего, были характерны для ораторской речи, а затем стали достоянием жанра оды. Таким образом, в «Элегии о смерти Петра Великого» органически соединяются прославление и печаль (одическое и элегическое). Кроме этого, внимательное прочтение «Элегии ...» даёт возможность увидеть в ней в редуцированном виде присутствие трех кодовых элементов – эпоса, лирики и драмы, что свидетельствует об особом типе синкретизма впоследствии разделившихся родовых признаков.

В «Элегии о смерти Петра Великого» в редуцированном виде представлены элементы драмы. Герои: Марс, Паллада, Нептун, Слава, Политика, – ведут между собой “разговор” в форме развёрнутого диалога; в произведении есть и детальное описание деяний Петра I, его заслуг перед отечеством: искусство, науки, флот, “государства новый сотворитель” и т. п. Расширение “эпического начала” свидетельствовало о широких возможностях освоения элегическим жанром тех сфер бытия, которые изначально принадлежали эпосу. Знаменательно, что и современные исследователи элегии, анализируя многовековой опыт функционирования этого типа произведений, подчеркивают родство элегии и эпоса. “Близость элегии к эпосу вполне закономерна: их связывала общая лексика, метрическое родство ... общность целей”, – отмечает Н. Чистякова [3, с. 125].

Отмечая многообразие возможностей развития элегического жанра на русской почве. Подчеркнём, что в «Элегии о смерти Петра Великого» “скрепляющим”, доминирующим началом является все же лирическая основа. На первый план выдвигается эмоциональное переживание, вызванное горечью утраты.

Такое расширение жанровых границ элегии свидетельствует о потенциальных возможностях данного типа произведения. К этому следует добавить, что элегический тип произведения вступает в явное противоречие с теоретическими наставлениями эпохи классицизма.

Такие же процессы взаимодействия разных жанров внутри одного произведения можно наблюдать в творчестве М. Ломоносова, что явно противоречит требованию “чистоты” жанра. М. Ломоносов создает произведение «Полидор»,

обозначив его жанровую природу как идиллию. Однако внимательное знакомство с текстом «Полидора» убеждает нас в том, что перед нами “замаскированная ода” (термин С. Богун), прославляющая деятельность графа К. Разумовского. Поводом для создания этого произведения послужил важный факт – К. Разумовский был назначен гетманом Украины. Такое значительное событие требовало, естественно, одического жанра: восхваление, высокая лексика, одический пафос наличия адресата, важность свершившегося, риторическая композиция и т. п. Однако при наличии многих типологических признаков оды поэт не называет «Полидор» одой. Этому есть объяснение. В русской традиции XVIII в. ода посвящалась, как правило, только правящему монарху или же членам его семьи, но не могла быть адресована “честному человеку”.

По-видимому, это обстоятельство и определило поиск Ломоносовым иных возможностей для “восхваления”. Поэт соединяет одическое и идиллическое.

Типологические признаки идиллии, сохраненные или трансформируемые в «Полидоре», дают основания Ломоносову назвать это произведение идиллией. Герои в «Полидоре» – пастухи, нимфы, музы с традиционными для идиллии именами: Дафнис, Каллиопа. Здесь присутствует традиционное для буколического описания природы: поля, луга, рощи, берега, цветы и т. п.:

Здесь плески на лугах повсюду раздаются,
И с шумом радостным в порогах воды льются,
Избыточно цветы дают свой нежный дух,
И ветвями дерева, красуясь, качают,
И горы и леса богиню возвышают ...

(М. Ломоносов «Полидор»)

В произведении «Полидор» происходит разграничение на ритмико-интонационном уровне двух планов: одического и идиллического – диалог о деяниях Полидора и “пения” – восхваления. Материальное воплощение такое разграничение находит в использовании Я4 в “пении” и в диалогах Я6.

Такой тип произведения, как «Полидор», оказался весьма продуктивным и не только повлиял на развитие и формирование оды, но и способствовал становлению на русской почве

жанра идиллии. “Синтез” двух жанров открывал неисчерпаемые возможности заимствований, открывал путь творческой свободе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серман И. З. Третьяковский и просветительство (1730-е годы) / И. З. Серман // XVIII в. – М.-Л., 1962. – Сб. 5.
2. Третьяковский В. К. Избранные произведения / В. К. Третьяковский. – М.-Л., 1963.
3. Чистякова Н. А. Древнегреческая элегия / Н. А. Чистякова. – Спб., 1996.

Сенчина Л. Т.

ДО ПИТАННЯ ПРО ЖАНРОВІ ЗАПОЗИЧЕННЯ У РОСІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ XVIII СТОЛІТТЯ

У статті розглядаються питання, пов'язані з теорією російського класицизму та реальною поетичною практикою. Стверджується думка, що жанрові запозичення сприяли розвитку російської літератури XVIII століття. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 109–114).

Ключові слова: *елегія, жанр, жанрові запозичення, идилія, класицизм, ода.*

Senchina L. T.

TO THE PROBLEM OF GENRE BORROWING IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVIII CENTURY

The article deals with issues related to the theory of Russian classicism and real poetic practice. Allegedly the idea that genre borrowing contributed to the development of Russian literature of the XVIII century. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 109–114).

Keywords: *classicism, elegy, genre, genre borrowing, idyll, ode.*